

18+

ЛИЗА ГАМАУС

Развод. Я (не) ответчу

Лиза Гамаус

Развод. Я (не) отвечу

«Издательские решения»

Гамаус Л.

Развод. Я (не) отвечу / Л. Гамаус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-659786-0

— Надин, Антон согласился быть донором, как тебе?— Каким донором? Чьим донором?— Нашего первого ребёнка. Ты же, кажется, сильно тоскуешь по материнству, *n'est-ce pas?* (не так ли? (пер. с франц.) Я столбенею на несколько секунд.— Я подумал, что не против завести себе наследника от женщины, которую люблю. Верх цинизма.

ISBN 978-5-00-659786-0

© Гамаус Л.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1. Приданое	6
ГЛАВА 2. В Большом	8
ГЛАВА 3. Джейкоб	10
ГЛАВА 4. Васильки	13
ГЛАВА 5. Мыслеформа	15
ГЛАВА 6. Документальное кино	17
ГЛАВА 7. Полнейший абсурд	19
ГЛАВА 8. Коврик	21
ГЛАВА 9. Выдержка	23
ГЛАВА 10. Печенье	25
ГЛАВА 11. Диспетчерская	27
ГЛАВА 12. Как Оля?	29
ГЛАВА 13. Альбом	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Развод. Я (не) отвечаю

Лиза Гамаус

© Лиза Гамаус, 2025

ISBN 978-5-0065-9786-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1. Приданое

– Хватит жрать! – ревет Герман, стуча кулаком по столу.

Чашка с кофе из тончайшего костяного фарфора подпрыгивает и падает на бок. Кофе разливается по розовой скатерти, оставляя коричневое пятно в виде сердца. Какая ирония!

Я вскакиваю из-за стола и бегу наверх.

Ощущения – как будто ударили хлыстом по воспалённой коже.

– Мне не нужны твои целлюлозные ляжки и свисающее брюхо! – орёт он мне вдогонку.

При росте метр семьдесят пять я вешу пятьдесят шесть килограммов, у меня нет не только никакого целлюлита и обвисшего живота, у меня, наверное, нет подкожного жира вообще.

Скоро пляжный сезон, мы собираемся ехать на море, и он таким образом проявляет заботу о моём внешнем виде.

Жена должна соответствовать самым строгим канонам ухоженного тела, чтобы ему не пришлось краснеть и видеть в глазах чувство превосходства его друзей-миллиардеров.

Я всего лишь потянулась за вторым ржаным тостом, размером с банковскую карточку.

– Если ты прибавишь в весе два килограмма, я с тобой разведусь, – сказал он мне в день свадьбы. На первый взгляд это может показаться шуткой, но Герман не шутил, он говорил это на полном серьёзе.

Я стараюсь соответствовать, да, но я человек, со своими желаниями и слабостями, с ошибками и настроением, с воспоминаниями и мечтами.

Но это не считается. Главное, чтобы дом был в идеальном порядке, я безупречно одета и причесана, а вечеринки, куда приглашаются его друзья с жёнами-ядовитыми змеями-подругами остались в памяти, как лучшие светские вечеринки месяца.

Проклятые сборища! Это только кажется, что кейтеринг и прислуга в помощь. На самом деле, эти люди лишь выполняют твои поручения, а как они их выполняют и каков замысел – это полностью на моих плечах. Следить надо в оба.

Сначала я стеснялась и повторяла по сто раз уборщицам и горничным свои просьбы, проявляла снисходительность и старалась понять, что люди устают, а их труд не из лёгких. Но в таких делах, как известно, вежливость принимают за слабость и работают только хуже. Мне пришлось научиться включать стерву и жёстко пресекать разгильдяйство, откровенную халтуру, а иногда и воровство каких-нибудь для меня не значащих мелочей, типа брэндовой заколки для волос или шёлковой косынки, о существовании которой я давно забыла. Но тут дело принципа.

На кону моё собственное спокойствие и благополучие. Нельзя ударить лицом в грязь, ни разу. Вместо благодарности за успешный вечер, к которому просто невозможно придрататься, так как я уже наострилась за три года брака, Герман не скажет ничего, это и есть его благодарность. А если он скажет, что я обленилась или того хуже, отупела от безделья, то будет скандал. После скандала он может сесть в машину и уехать с ночёвкой в неизвестном направлении. У него нет сдерживающего фактора – он богат, и преградой для его выходок может быть разве что девяти бальное землетрясение.

Мы не на Западе, у нас нет «старых семейных миллионов», доставшихся по наследству с позапрошлого века, нашему капитализму не более тридцати лет, но об этом никто не хочет вспоминать. А хотят вспоминать то, что мой отец был обыкновенным советским хирургом в обычной московской больнице, пусть и заслуженным, а мать учительницей географии в средней школе.

Несколько лет назад мама попала под трамвай, сильно покалечилась, ей ампутировали ногу выше колена. Отец ввязался в сомнительный бизнес в одной частной клинике, на него

повесили смерть какого-то авторитета с серьёзным огнестрельным ранением. Братки отобрали всё, что было, включая квартиру. Но он устроился в другую частную клинику, так как его очень высоко ценили в профессиональных кругах, и сделал множество сложных удачных операций. Одним из пациентов был Герман. После поединка на рапирах в частном клубе. Герман и фехтование – это нечто целое, прямо как Пушкин. Но он не один такой, их таких целый клуб миллиардеров- фехтовальщиков, сражающихся с друг другом настоящим оружием и по-настоящему. То ли у них «средневековые» нерушимые принципы, во что я не верю, как и во всё искусственное, то ли им скучно, и они устраивают себе дуэли-поединки.

– Док, чем я могу вам помочь? – спросил он папу после операции, строя из себя благородного барина. Это просто, когда ничего не стоит.

Я не знаю, что он ему рассказал и как представил свою жизненную ситуацию, но однажды привёл Германа в нашу съёмную квартиру, наверное, показать маму, что она и правда инвалид.

Я открыла дверь. На дворе полыхало жаркое лето. Я стояла в проёме босая, в джинсовых шортах и майке без рукавов, то есть во всей красе. И с распущенными волосами ниже плеч.

Через неделю я сидела с ним в дорогом ресторане и рассуждала об искусстве вообще и об искусстве правильных интерьеров в частности. На моём дипломе дизайнера ещё не высохли чернила от печати к тому моменту. Он был заинтересован и очарован, сказал, что я ему нравлюсь, и он хотел бы продолжить со мной встречаться.

Отец никогда не вмешивался в мою личную жизнь, также, как и мама, но я видела их глаза. Они хотели этого брака. И я согласилась. Многие, очень многие, мечтали оказаться на моём месте, Герман даже не был женат до меня. Вскружить голову молоденькой девчонке симпатичному богачу не сложно. К тому же, у меня и парня-то не было до него, я по натуре скромная и ещё и интроверт.

А Герман не просто симпатичный, он охренительный красавец-самец.

Так что в приданое жених получил мою девственность.

ГЛАВА 2. В БОЛЬШОМ

Любила ли я Германа? Скорее, да, чем нет. Вопрос только в том, что я понимала в любви в том возрасте. Но даже самую сильную и преданную любовь можно спустить по капле в сливное отверстие, если сверху поставить пресс и каждый день увеличивать давление. Сколько сейчас от неё осталось? Жива ли она? Я стала очень в этом сомневаться.

Через два года он начал грубить, срываться, иногда не приезжать на ночь, сменил главную помощницу, которая была с ним на протяжении последних шести лет, на молодую Маргариту, выпускницу МГИМО.

Я не вмешиваюсь и не бросаюсь с бесполезными комментариями, делаю вид, что Маргарита меня не интересует и внимания моего не достойна. Германа это бесит, но с другой стороны, он ценит мою выдержку. Я не уверена, что они спят. По их негласному кодексу мушкетёров – всё можно только с равными по статусу. Один раз он его уже нарушил, женившись на мне, больше ему не положено. Да и первый брак – это другое, как говорится.

Так что Маргарита пусть вертит задницей и мечтает о бриллиантах. Я не буду особо мешать.

Детей у нас с Германом нет. А это самая главная защита для таких, как я. На Западе бабы стараются поскорее родить пару детей, чтобы можно было спокойно развестись с отцом-миллиардером, забрать ювелирку и получить свои дивиденды на всю оставшуюся жизнь, освободившись от домашней тираннии соответствия.

У нас нет детей потому, что Герман бесплоден. Я недавно это узнала, предъявив ему свои анализы «абсолютного здоровья».

– Заведи себе собаку или лошадь. Лошадь лучше, они долго живут. Займись скачками, отвлечёшься. Куплю молоденькую англичанку, выберешь жокея и вперёд.

– Тебе не кажется, что ты откровенно хамишь и лишаешь меня...

Я не успела договорить. Он выплеснул на меня содержимое стакана, из которого пил, испортив мне дорогое платье, хотя, они все дорогие, со словами «неблагодарная свинья из трущоб». И это не первый раз.

– Ещё раз услышу подобное нытьё, Надежда, сделаю так, что сядешь. Ты же не сомневаешься в моих талантах и возможностях, дорогая? Или ты хочешь уйти с полным фаршем и завести себе преданного влюблённого менеджера из прошлой жизни? Ты об этом мечтаешь, а? – ему смешно от этих слов, он уверен, что я никуда не денусь, пока он сам не решит.

– Я нашёл то, что искал, – это были его слова перед тем, как сделать мне предложение. Кто знает, что он имел в виду.

Конечно, он не всегда такой, и приступы ментального насилия, то есть грубости и хамства, не происходят каждый день. Но мне достаточно одного, ну, двух, не более, чтобы пошёл процесс отторжения. И это не зависит от меня.

Тут два пути – терпеть или пытаться подстроиться и с невероятными усилиями отвоювать себе место под солнцем. Характер начинает портиться, слово «искренность» забывается само собой, то есть семантика его резко меняется, а противостояние накаляется. Его надо гасить и постоянно хитрить. А ещё работать над собой – во всех областях.

«Я бы не позволила моему мужу так со мной обращаться», – слышу я в голове слова возмущения от разных женщин со своими наивными представлениями о жизни «богатых».

Дорогие девушки и женщины!

Хочется сказать всем сразу.

Девяносто девять процентов из вас понятия не имеют, о чём это. В нашем мире денег и тщеславия мало кто готов справиться с теми огромными потоками энергии, с которыми вам предстоит столкнуться в браке с миллиардером. Ваш сильный характер не такой уж и сильный,

как оказывается. Кого-то очень легко купить, кому-то просто пригрозить, так как возможности несподручимо. Тут и алчность начинает прорастать, которой раньше, вроде, и не было.

– Это Антон, познакомься, – Герман заходит с высоким спортивным мужиком, на вид лет на пять моложе, чем он сам, – приятель из клуба. Я пригласил его на ужин.

– Рада познакомиться, Надежда!

Смотрю на Антона и какая-то неуловимая мелочь не то, чтобы тревожила, а скорее настораживает. Что в нём такого? Дорого одет, приехал на крутой машине, они эскортом въехали во двор, пышет здоровьем и ухоженностью, манеры, улыбка, всё в норме, но...

– Расскажи, как ты расстался с Гальпериним, старой крысой. Наверное, до сих пор бегают по клетке, ищет выход, – Герман в прекрасном настроении. Гальперин – известный и очень дорогой адвокат, работающий с налоговой. Его имя часто мелькает в разговорах Германа.

Мы в беседке, прилегающей дому. Она вся утопает в пионах, и запах стоит умопомрачительный.

Антон смеётся, видно, что он немного заискивает перед Германом, как и большинство людей, попадающих в наш дом.

После ужина, который получился очень лёгким и весёлым, не говоря уже о том, что новый повар настоящий мастер своего дела. Герман переманил его из крутого московского ресторана полгода назад. Мы опять в беседке. Лето, и не хочется находиться в помещении.

– Надин, – муж иногда называет меня на арабский манер, – Антон согласился быть донором, как тебе?

– Каким донором? Чьим донором? – я не очень понимаю, о чём он.

– Нашего первого ребёнка. Ты же, кажется, сильно тоскуешь по материнству, *n'est-ce pas?* (не так ли? (пер. с франц.)

Я столбенею на несколько секунд.

– Я подумал, что не против завести себе наследника от женщины, которую люблю.

Верх цинизма.

– Жаль, но сегодня у меня месячные, – встаю и ухожу к себе, не попрощавшись.

Меня всю колотит. Наливаю ванну, кидаю туда саше и погружаюсь в воду. Лепестки роз и чайное дерево. Закрываю глаза. Главное, успокоиться. И никаких таблеток.

Мы как-то сидели в Большом в партере на опере. Несмотря на то, что в такие места мы одевались довольно скромно, если это был обычный спектакль, но всё равно выделялись своим стилем и холённостью. Я ловила на себе мужские взгляды, как и женские.

Зажёгся свет. Я посмотрела вправо наискосок и увидела Диму, папиного любимого, очень талантливого ученика, тоже хирурга, который часто к нам заходил домой до случая с авторитетом. Часто, может быть, из-за меня. У нас с ним ничего не было, я просто чувствовала, что нравлюсь.

Дима сидел с девушкой в красном платье. Он меня не видел, пока мы не встали и не пошли в фойе через проход с его стороны. Постаралась, чтобы мы прошли с правой стороны.

Я не смотрела на него, когда мы проходили мимо, а он смотрел.

Это всё, что я могла себе позволить.

Слышу стук в дверь.

Но я уже успокоилась и готова к бою.

ГЛАВА 3. Джейкоб

Вылезаю из ванны и иду открывать дверь. На мне халатик из тонкого хлопка, прилипший к телу, потому что я не успела вытереться.

В проёме Герман. Он тут же щиплет меня за сосок.

– Почему ты убежала? – притворяется и играет.

Я убираю его руку.

– Я не готова к встрече с донором. Всё очень неожиданно.

– Он тебе понравился?

– А мне нельзя выбрать? Приведи ещё кого-нибудь, – хлопаю я ресницами, ненавидя каждое слово, которое произношу.

– Нельзя.

– Он уехал?

– Да, но скоро опять приедет.

– Кто он такой?

– Это мой выбор.

– Ясно, – отворачиваюсь, скидываю мокрый халат и вытираюсь полотенцем.

– Красавица, – расстёгивает брюки и быстро от них освобождается, – стой! – подходит сзади, – когда будешь с ним трахаться, представляй, что это я, обещаешь?

– А потом он не предъявит свои права на ребёнка?

– Шутишь?

Герман прижимает меня к себе. Я позволяю ему делать то, что он хочет. Вопросы я задам позже.

ЭКО в нашем случае бессмысленно, infertility Германа доказана, но он отказался и от инсеминации. Герман выбрал самый унижительный для меня способ – физический контакт с чужим мужиком. Извращенец. И ведь знает, что он у меня не только первый, но и единственный. Предвкушает мои страдания, сволочь. Как бы не только ему одному страдать от мук бесплодия. «Вот тебе, Надежда, мой ответ. Я делаю всё, что ты просишь», – говорят его наглые глаза.

Не всё можно купить, увы! Герману эта максима очень трудно даётся. Не бог, а человек, как жаль!

Я уже чуть ли не пожалела, что подняла этот вопрос. Хотя, если бы он не хотел наследника, ему было бы пофиг, о чём я там верещу.

Он отказался от инсеминации, потому что не верит ни врачебной тайне, ни врачам вообще.

Так кто такой Антон? Спрашивать тоже ни у кого нельзя, это понятно. Делиться таким тоже. Ни одна душа не должна знать о его infertility. Может быть, только мать. Про Зою Фёдоровну лучше часто не вспоминать, то есть вообще не вспоминать без острой нужды. И почему он так уверен в этом Антоне?

Ладно, всему своё время. У всех семейных тайн есть срок годности.

Утром Герман ласков и приветлив. Я пью овощной смузи и ни слова не говорю о вчерашнем госте. Он уезжает в офис.

Вечером мы идём к Морозовым – обычная летние посиделки на восемь-десять человек. Правда, не всегда знаешь, кто будет среди гостей.

По большому счёту мне незачем ездить в спортзал – в доме есть всё необходимое, как и бассейн и джакузи. Любой тренер прилетит быстрее ветра в любой день, а и самый модный хореограф всегда имеется на запас – вдруг я захочу научиться новому танцу или просто потан-

цевать. Тоже самое касается косметологов, если только речь не идёт о какой-нибудь сложной установке или лазере.

Нахожу у себя малюсенькую папиллону на правом плече и радостно потираю руки – отличный повод прошвырнуться в город, чтобы её удалить лазером, а после салона встретиться с Вероникой, с моей однокурсницей по универу. Подругам, одноклассницам и однокурсницам вход в наш дом, можно сказать, нежелателен, как и приглашать их на наши знаменитые вечеринки я не могу. Гости должны чувствовать себя спокойно и уверенно, а то ещё затешется какая-нибудь блогерша или неопикуемая образованная красотка. Зачем искать проблемы там, где их можно свести до минимума.

Я «дружу» с такими, как я, жёнами богачей нашего уровня. С ними разрешается даже ездить в путешествия, так как всё на виду и всё известно, вплоть до брэнда нижнего белья. Это безопасный круг, где нет бесконечных просьб, и никто никуда не пристраивается за твой счёт. Мы дарим друг другу подарочки, кто кого переплюнет, собираемся в двух-трёх любимых ресторанах и обсуждаем нашу сложную жизнь.

На самом деле, я не про это. Просто эта «дружба» – ещё одна обязанность или неотъемлемая составляющая жены такого человека, как мой муж. Я всё должна слушать, о чём разговаривают мои подружки, и запоминать. Каждая занимается примерно тем же самым, то есть свободным сочинительством и приукрашиванием своих идеальных семейств.

Встреча с Вероникой для меня, как глоток воздуха. И я всегда ей помогаю, что в моих силах. Но могу ли я ей довериться? Зачем? Нет, не могу, конечно. Я так просто спросила. Я обречена на одиночество, и рассчитывать в моём случае лучше на саму себя. Поэтому так медленно учусь, наступая на золотые грабли.

– Едем через три дня в отпуск всей командой, – говорит Вероника. У неё двое детей: погодки, Игорёк и Сонечка, ему семь, а дочке шесть, – нам в школу в этом году, надеюсь, что три турецкие недели пойдут на пользу, Сонька часто болела прошлой зимой, я рассказывала.

– А как Санёк? – её муж, Сашка Солнцев, тоже наш однокурсник. Они поженились ещё студентами. Он отличный семьянин и отличный дизайнер. Недавно открыл своё бюро, и всё у них нормально.

– Надоел, как старый вальс, – смеётся, – огоньку бы!

– А он так не думает про тебя?

– Он работает.

– Вы вместе?

– Ну, да. И дома и на работе. Я ему скоро резиновую маску куплю с каким-нибудь артистом голливудским, чтобы на кухне видеть другую рожу.

– Сидит такой двадцати семи летний краш у тебя на кухне, ну, скажем Джейкоб Элорди какой-нибудь, а ты ему: «Джейкоб, жги!»

– Самолёт, Канары, зелёное море! Или нет, лазурный берег, Канны, красное платье в пол, в ушах бриллианты. – мечтает Вероника.

Она знает, что я всегда могу съездить в Канны, что у меня полон гардероб разных платьев в пол, как и бриллиантовых серёг. Ей тоже этого хочется, и она в тайне мне, наверное, завидует.

Я нахожусь в двух миллиметрах от того, чтобы не разрыдаться и не рассказать ей, какую хрень мне приготовил Герман, что я не просто должна переспать с незнакомым мужиком, а может так получиться, что и не один раз, но и зачать от него ребёнка, от которого этот донор должен отказаться. Малыш никогда не будет знать своего настоящего отца, а тот, который будет им называться, ещё неизвестно, будет ли его любить, понравится ли он ему, примет ли он его. Малыш будет тянуться к нему, а Герман может это не почувствовать и ранить открытое детское сердце навсегда.

– Никакие Канны не стоят трёх недель с любимым мужем и такими прекрасными детьми, которые у вас есть, – говорю я Веронике то, что действительно чувствую, но она не ценит мою искренность.

Она не знает цену искренности.

ГЛАВА 4. Васильки

Я в новом бежевом платье с отделкой из чёрной шёлковой соломки от известного кутюрье, у меня красивая причёска, над ней поработал модный стилист, на мне парфюм, запах которого практически неуловим, если я не двигаюсь, в ушах золотой жемчуг.

Герман часто дарит мне дорогие красивые ювелирные украшения знаменитых мировых брендов. Только у меня есть стойкое ощущение, что он их дарит себе. Когда я надеваю бриллиантовое кольцо, оно мне кажется ошейником для собачки редкой породы, которую выгуливают на выставке.

– Ты что такая грустная, Надин? – спрашивает Герман.

В машине тихо играет фортепьянная музыка, я немного отвлекаюсь от мыслей об Антоне-доноре и предстоящей «ярмарке тщеславия». У Морозовых, в дом которых мы едем, готова новая яхта в Италии, и они нас сейчас собирают, как будущих гостей, на предстоящий вояж.

Виктория и Николай Морозовы – одни из основных наших друзей. Оба старше нас лет на десять, но выглядят невероятно молодо. Виктория родила двух сыновей и официально поставила точку на деторождении, так как второго ребёнка еле доносила. У неё жёсткий и холодный нрав, и я даже думаю, что она вообще больше не подпускает мужа в свою спальню, если он очень сильно не попросит и не отблагодарит.

– А что ты ждёшь от музыки Пьяцолла? – спрашиваю, найдя подходящий повод объяснить свой унылый вид.

– Грусть полезна, дорогая, прости. А танго – это двойная грусть.

Ах какая светскость и высота! Двойная грусть потому что я очарована танго. С чего ещё мне грустить, как не от музыки танго? Вцепиться бы в него обеими руками и разодрать в кровь за то, что он придумал с этим своим Антоном. Но я молчу. Приезжать после скандала к Морозовым, где нас ждут ещё несколько пар, считающих с лиц наше настроение, я не буду, конечно. У нас всё чудесно.

Сад утопает в цветах. Виктория превзошла себя в этом году. Она с ума сходит от цветов и разной декоративной зелени. У входа нас встречает хозяин, мы проходим в дом, и я приветствую своих дорогих подруг и друзей милой улыбкой и лёгкими поцелуями.

– Надежда, ты очаровательна, – здороваются Виктория, – вот умеешь вызвать зависть и создать напряжение, – бросает мне то ли комплимент, то ли упрёк. Она, как всегда, в своём непредсказуемом амплу женщины-шок.

– Пусть учатся сравнивать в свою пользу, – улыбаюсь в ответ.

– Это Магда, – представляет она мне новую гостью, эффектную брюнетку с красными губами и открытой до востер-линии немаленькой грудью, явно своей. На правой нарисованная чёрная родинка. Что это ещё за жеманство и намёки? Как в восемнадцатом веке, что ли? Флирт языком мушек? Приколистка какая.

Она красива и своеобразна, с невероятно белой кожей и красивыми руками, которые, конечно, с маникюром цвета венозной крови. Одета дорого и слишком продуманно. Сумочка с замочком из золота. Я знаю эти сумочки.

– Мы очень давно знакомы с Магдой и Виталием, вон её муж, как раз стоит с Германом, – продолжает Виктория.

Смотрю туда, куда она мне показывает. Невысокий лысый толстячок в светлом костюме лет сорока. На мизинце поблёскивает какой-то перстень.

– Они жили последние пять лет за границей.

Как же мне всё равно, откуда притащилась сюда эта парочка. Я еле поддерживаю разговор, мне хочется домой.

Стол накрыт на улице на деревянной площадке под навесом из хмеля, комаров нет, ветра тоже. Еда превосходная, Виктория любит азиатскую кухню, особенно вьетнамскую.

Справа от меня сидит Виталий. Такое чувство, что Виктория нам подсовывает эту парочку для общения.

– Я слышал, вы очень своеобразный дизайнер по интерьерам, – Виталий начинает знакомство.

– Да, наверное. Из десяти человек, только один обычно говорит, что ему нравится то, что я сделала.

– Я точно буду этим десятым. Если позволите посмотреть, – напирает Виталий.

– Не проблема. Мы вам пришлём приглашение, всё зависит только от графика мужа.

– Благодарю, надеюсь, мы познакомимся ближе на море.

– Какой у вас номер каюты? – спрашиваю в шутку.

– Не могу сказать, – он озадачен, – это Магда знает наверняка, мне какая разница?

Официант подносит блюдо со спринг-роллами, кладёт мне несколько штук на чистую тарелку и незаметно передаёт маленькую записку. Пока он обслуживает Виталия, я разворачиваю листик и читаю: *«Жду вас у голубой клумбы после ужина. Доброжелатель»*.

Незаметно открываю сумочку и засовываю записку в маленький карманчик.

Что за доброжелатель? Смотрю на гостей за столом: пять пар. Никого не могу вычислить. Герман в превосходном настроении.

После десерта все встают и разбредаются по саду. Светят фонарики, но ещё достаточно светло. Голубая клумба – это небольшая круглая клумба с садовыми васильками почти в конце сада. Надо ещё найти повод, чтобы отправиться так далеко.

– Надин, ты куда? – слышу я голос Германа.

– Я немного прогуляюсь, не волнуйся, такой хороший вечер.

Он всё время за мной наблюдает, а кажется, что практически не замечает.

Иду по вымощенной дорожке. Вижу наконец клумбу, но рядом никого нет. Кроме мужчины в джинсах, в чёрной майке и в бейсболке, то есть явно не из гостей. Садовник? Но как он мог передать записку? Кто он? Останавливаюсь.

– Не связывайтесь с Глуховским ни при каких обстоятельствах. Всего вам доброго! – говорит мужчина. Низкий, хорошо поставленный голос без никакого акцента. Тот ещё садовник.

– Кто вы? – пытаюсь я спросить хотя бы, кто такой этот Глуховский. Но мужчины нигде нет, он исчез. Не бежать же за ним в кусты. Да ещё и на каблуках по траве.

Разворачиваюсь и иду обратно. Навстречу идёт Виталий с кем-то из гостей. Вот же напасть какая! Прохожу мимо довольно быстро, улыбаясь. Но им нет особо до меня дела, они что-то обсуждают.

– Надя, обыскалась, – говорит Виктория, сейчас запустим офигительный фейерверк, – иди же сюда!

– Я тут, – отвечаю с интересом. Стараюсь.

ГЛАВА 5. Мыслеформа

У родителей всегда спокойно и приветливо. Они всегда рады моему приезду. Я не делюсь с ними ни своими проблемами во взаимоотношениях с Германом, ни тем более ничего не говорю о его бездетности и кошмаре с Антоном. От такого предложения мама, наверное, вообще потеряет покой. Да и папа стал нервный и задумчивый, а был всегда юморной и жизнерадостный. То есть раньше, до того, как мама попала под трамвай. В их присутствии я всегда в хорошем настроении, и у меня всё зашибись.

– Когда вы уезжаете? – спрашивает папа.

– Через три недели где-то.

– А где яхта?

– На Сардинии. Мы там были прошлым летом. Все тащатся от Италии, так что решили опять там, – включаю я свою натренированную беззаботность.

Мама приносит на подносе чай и моё любимое печенье, которое только она умеет печь. Я купила ей протез, и она с папиной помощью, конечно, научилась ходить.

– Я только одну штучку съем, мамуль, не обижайся, – целую её в щёку.

– Да ты посмотри на себя, тебе надо килограмм слупить, чтобы было заметно.

– Мам, не начинай. Ты же знаешь.

Звонок в домофон.

– Кто это? Вы кого-то ждёте? – спрашиваю, потому что всегда ожидаю от Германа какой-нибудь подвох. Не могу сказать, что он мне не доверяет, да и внизу стоит водитель, и Герман мог сто раз спросить у него, где я. Но почему-то в этот раз чувствую лёгкое волнение.

– Дима хотел зайти, Женин давнишний ученик, – отвечает мама, – ты помнишь Диму? Или забыла уже всех в нашей скромной жизни?

Дима? Странное какое совпадение. Я думала о нём, но так мимоходом, как о приятной картинке из прошлого, даже не думала, нет, просто промелькнуло вчера, не могу сказать по какой причине. Голова иногда работает сама по себе – откуда-то приходят образы, какое-то подсознание подсознания.

– Надежда, какая неожиданность! Как я рад вас видеть! – высокий, стройный, с обворожительной открытой улыбкой, с достоинством каким-то. Чистые синие глаза.

– Садитесь с нами, – предлагаю я ему место за столом, – вы так изменились, я бы вас не узнала на улице.

– А вы ходите по улицам?

– Ну, летать же я не умею, – мне не очень нравится этот лёгкий укол, – расскажите, где вы работаете?

– Дима недавно стал замом главного врача нового перинатального центра. Он же акушер-гинеколог, Наденька. Я же говорю, ты не помнишь ничего, – вмешивается мама.

И тут я понимаю, что случайностей не бывает. Меня тянуло сегодня к родителям с невероятной силой, я отменила все планы, позвонила им и сказала, что приеду. Захотелось прижаться к маме, увидеть отца, просто посидеть с ними часок и поболтать ни о чём. Привезла маме новую косметику для лица, отцу спортивный костюм, который взяла у мужа в шкафу. Он лежал нераспакованный второй год. Герман всегда мне разрешает брать вещи, которые ему не подошли или не очень нравятся. Они с папой почти одного размера. Мама шутит, что он выбирал богатого зятя из этих соображений.

– Я помню, как вы починили нам дверь на кухне. Петли поменяли. А потом мы пили чай с малиновым вареньем, – улыбаюсь. Мне приятно тормозить моменты юности.

– Если быть поточнее, я ещё починил пару шкафов и порезал палец, что для моей работы не очень здорово, – отвечает Дима и тоже улыбается, – а варенье было розовое, болгарское. Я поэтому и сел пить чай, что такого варенья раньше не пробовал.

Мама, мне кажется, немного удивляется нашему чуть ли не задушевному разговору. Мне не надо, чтобы она волновалась. Она и так всё чувствует раньше меня.

– Рада была встретиться, но мне пора, – встаю.

– Ты уже уходишь, Наденька? – зависает мамин вопрос.

– Да, пап-мам, есть кое-какие дела на вечер.

Дима встаёт и провожает до двери.

– Я тоже очень рад, Надя. Если могу чем-то вам помочь или вашим подругам... – протягивает мне визитку, – одним словом, только один звонок, и я всегда к вашим услугам. У нас самый передовой центр в Москве сейчас и отличные врачи.

Беру визитку и не умничаю. Не хочется показаться невежливой и сказать, что мои подруги летают к врачам на частных самолётах в Европу.

Благодарю и ухожу. И уже в лифте меня простреливает идея. Мыслеформа, как говорит папа. Но возвращаться, чтобы её озвучить, я не могу, да и при родителях говорить ни о чём нельзя. Мама и так заметила, что он мне нравится.

Я вспоминаю эти васильковые глаза, которые мне, девчонке, казались уже тогда полными чего-то манящего и необъяснимого. Если бы не история с Германом, его ухаживания «миллионера», сбившие меня с толку, возможно, у нас могло что-то завязаться с Димой и даже получиться. Но Герман и тот дурман, который он на меня навёл, полностью вскружили мне голову. Герман же очень умный и опытный мужчина, невероятно харизматичный, когда захочет, обворожительный и увлекающий. Человек мира, знающий лично разных знаменитостей, начиная от артистов и заканчивая учёными и политиками. Разве я могла устоять? Никто бы не смог. А и людям свойственно многое фантазировать о своём будущем и мечтать.

Думаю про Антона. Бр-р-р! Такого я не ожидала.

Плисецкая отказалась от детей, потому что балерина, Патрисия Каас – потому что певица, Опра Уинфри – потому что телезвезда, Дженифер Энистон – потому что актриса, Татьяна Дорониная, Элина Быстрицкая – их легион. Дети им мешали жить. Ограничивали творческое воплощение.

Потом придумали псевдо-философию чайлд-фри, где прикрывают свой эгоизм и алчность осознанным отказом от материнства. Под старость кусают локти, потому что пусто кругом, из двадцати комнат нужны только две, а из коробки с драгоценностями носят маленькую цепочку с сердечком или крестиком. Даже не цепочку, а верёвочку. Старая расфуфыренная дива привлекает интерес только с точки зрения – когда она наконец окочурится и кому передаст наследство. То есть нужно всего на порядок меньше, чем она насобираала, а сама не нужна никому. Собачке, может. Зрелые красные яблоки редкого сорта падают на землю с огромной яблони, и их жрут свиньи, хрустят и хрюкают.

Я хочу детей и хочу им настоящего любящего отца. А в Германе я не уверена.

ГЛАВА 6. Документальное кино

Сижу перед зеркалом и готовлюсь к ужину. Герман позвонил, что придет с гостями. Попросил ужин на пять персон и почему-то рыбный. Не проблема, у Бориса, повара, всегда наготове несколько вариантов, а запасы вина и другого алкоголя безупречны.

– Надежда Евгеньевна, сделаем. Не волнуйтесь, – отвечает Борис на мою просьбу, – может смузи принести клубничное?

– Да, пришлите. В спальню, на втором. Спасибо.

Я так и не узнала, кто такой Глуховский, то есть не вспомнила среди знакомых. Если это фамилия Антона, то как какой-то там мужчина в джинсах, прячущийся в конце двора чужого дома, мог меня подкараулить и предупредить? Значит, о планах Германа на моего ребёнка знает ещё кто-то? А сколько их таких, которые знают? И почему предупреждение? Кто-то подслушал их разговор? Знает Глуховского и моего мужа и не хочет, чтобы этот план осуществился? Но что за интерес у такого человека? Не подпускать Антона к Герману так близко?

Может быть, есть ещё один кандидат на отцовство? А Герман остановился на Антоне? И второй этому препятствует? Ух, ты! Какой триллер!

Я не могу спросить в лоб, как фамилия Антона. Сразу последует вопрос, откуда я знаю эту фамилию.

Встать в позу и потребовать ещё одного донора? Ничем не кончится, кроме скандала. Тонкий вопрос.

В репродуктивном банке, на сайт которого я залезла утром из любопытства, нет ни одного кандидата, который бы мне подходил хотя бы на пятьдесят-шестьдесят процентов. Да даже если бы и подходил! Какой-то чужой замороженный генетический материал должен меня оплодотворить. Жуть. Вообще не зная человека, идти на такой шаг!

А зная и испытывая отвращение, а я уже начала его испытывать по отношению к Антону, это как называется?

Может, какая «продвинутая» феминистка-философка и назовёт все мои страдания предрассудками, душу несуществующей, а характер всего лишь структурой постоянных психических свойств, но лучше жить своим умом и слушать своё сердце. А там не просто противостояние, там настоящая война.

– Аллю, Дима! – я всё-таки решила ему позвонить. У меня просто нет другого выхода. Я должна хоть с кем-то поделиться и поговорить, – мне надо с вами проконсультироваться.

– О, Надя, как мы удачно встретились! Я шёл к Евгению Михайловичу в каком-то приподнятом настроении. Хорошо, что зашёл.

Как будто я прошу не медицинскую консультацию, а личную встречу, он так себя ведёт. Осторожно, Надежда!

– Завтра можно? – я не хочу тянуть.

– Давайте часа в два, адрес и кабинет скину на телефон. Я Самойлов Дмитрий Петрович, если не помните.

Заходит горничная со смузи. Не слышала стук в дверь – разволновалась из-за Димы. Пока она ставит подносик с высоким стаканом, я молчу. Я не разговариваю при прислуге.

Пью смузи и чувствую, как у меня поднимается настроение. Всё само происходит, на подсознании.

Герман и гости приезжают около семи.

Виктория и Николай Морозовы, Магда с мушкой и Виталием и какой-то новый мужик, тоже спортивного вида, одного возраста с Германом. Неужели новый кандидат? Или у меня уже сдвиг по фазе?

Если честно, то новенький кандидат мне нравится намного больше, чем Антон. Умнее, спокойнее, более уверенный какой-то. Но такому зачем оплодотворять чужую жену? Может, артист какой или художник? Может, Герман, а с него станет, предложил ему бартер за сотню миллионов? Нет, я просто туплю.

– Это моя жена Надежда, – представляет меня Герман.

– Очень приятно, Григорий.

Хорошо, Григорий, так Григорий.

Борис приготовил роскошный буабез, стерлядь. Настоящий пир. Я даже чувствую голод. Кажется, все довольны.

– Красное мясо без жира, офигенные яйца с низким содержанием холестерина, красивейшие перья, и кожа для сумок. Это просто гениальное животное, то есть птица, – вдохновенно рассказывает Николай, – у Виталия обязательно получится. Плюс многолетний опыт в Австралии.

– Вы занимались разведением страусов? – спрашиваю я Магду.

– Мы и сейчас занимаемся, у нас несколько ферм в Австралии, но Виталика потянуло на родину.

– Их, кажется, несколько видов, – вставляет Григорий, – я слышал, что африканские самые неприхотливые. Сколько они живут вообще?

– В среднем шестьдесят- семьдесят лет, – отвечает Магда.

– Как человек, что ли? – удивляется Григорий.

– Зачем тебе? У тебя что, руки зачесались? – спрашивает Николай.

– Я видел их яйца в магазине где-то, огромные такие, – Григорий показывает руками нечто, похожее по размеру на среднюю дыню.

– Полтора-два килограмма в среднем одна штука. В год самка несёт до восьмидесяти яиц, но нужен инкубатор, – со знанием дела продолжила Магда.

– Магда, хватит уже, он шутит. Продюсировать кино и держать страусиную ферму, это как плыть и лететь одновременно.

– Вы занимаетесь кино? – спрашиваю Григория.

– Да, документальным, – улыбается в ответ. У него реально приятная улыбка, – научный и познавательный контент.

Зачем, интересно, Герман его притащил? Может, он тоже планирует заняться кино? Он обычно делится, если начинает что-то новое. Спрашивать у Григория пока не буду.

– Я знаете, люблю, когда документальное кино зажигает, и после хочется разобраться поглубже.

– Вдохновляет на самостоятельное погружение, – вмешивается Виктория, – как по альтернативной истории. Мы теперь по Питеру ходим чуть ли не с лупой.

– Глуховский, ты опять дам в свои киношные темы вербуешь? – подаёт голос Герман.

Меня пробивает холодный пот. Глуховский? У этого Григория фамилия Глуховский?

ГЛАВА 7. Полнейший абсурд

За завтраком Герман мил и внимателен. У него бывают периоды затишья. Либо успехи в бизнесе, либо что-то задумал и перед тем, как мне озвучить свои планы, затушёвывает все предыдущие косяки. В такие моменты думаю, что какой-то небольшой процент совести у него всё-таки остался.

– Сегодня немного задержусь, ужинай без меня, – пьёт кофе и сообщает.

– Немного – это сколько?

– К десяти где-то. Так что отдыхай, дорогая, и займись своими делами по полной.

– Тебе пора подстричься, не находишь?

– В конце недели. Вызови кого-нибудь на субботу, часам к одиннадцати. Того, кто был в прошлый раз, если получится.

Я специально ничего не спрашиваю про то, что хотела бы уточнить о вчерашних гостях. Он не ответит сразу. А если спросить через какое-то время, то расскажет больше. У него такая манера.

Уходит. Плаваю в бассейне, потом начинаю собираться к Диме. Может, Герман нарочно мне подстроил свободный день, чтобы проверить, куда я пойду? А я ему сама скажу потом, где была. Поехала провериться. По телефону в машине, естественно, говорить не стану ни о чём.

– Вы к Дмитрию Петровичу? – спрашивает симпатичная женщина в белом халате.

– Да, – отвечаю неуверенно от неожиданности. Я стою у стойки администратора, а до этого только спросила, могу ли подняться на третий этаж к доктору Самойлову.

– Пойдёмте, он меня предупредил.

Вхожу в кабинет. Не ожидала увидеть такой современный кабинет в больнице. Просто я по больницам не хожу, и времена, видимо, меняются вместе с докторами. Я-то была у папы разве что, на работе, а он скромный и неприхотлив, у него на первом месте всегда была работа, а не полированные столы и телевизоры на стенах.

– Надя, он придумал для вас ловушку, из которой вам будет очень трудно выбраться, – делает Дима своё заключение, выслушав мою историю. Дима уже серьёзный и совсем не шутит.

– Чтобы не давать развод?

– В том числе. Вы понимаете, что он с лёгкостью сможет вас обвинить в неверности, имея на руках генетический материал ребёнка.

– Ужас какой! Конечно, может. А если заключить письменный договор, оформить его юридически как-то, что я принимаю этого идиотского донора с его согласия?

– Он вряд ли на это пойдёт или сможет уничтожить этот договор, не знаю, что-нибудь придумает, с чем вы не справитесь.

– Если я попрошу развод, он мне его не даст. Я бы прямо сейчас попросила. К тому же, он начал заниматься политикой. У меня есть такие подозрения. Ему нужна жена и дети. Это поднимает рейтинг, вы же знаете.

– Вторая бомба – это тот самый донор. Мало ли что может ему прийти в голову через какое-то время. Да и нет никаких гарантий, что Герман ваш из стали. Он же человек, как все, я как врач это говорю сейчас, – Дима выглядит озабоченным. Моя история явно производит на него незаурядное впечатление, – Я никогда с таким не сталкивался, если честно. Почему он так уверен в другом человеке? В бизнесе люди недоверчивы, ему ли не знать. Сделка?

Какая же дикость! Изощёренная дикость!

– Дима, можно вас попросить мне помочь?

– Надя, я с радостью, но это не столько медицинская проблема, сколько... моральная, наверное, психологическая...

Мне становится жалко себя до жути. Я редко плачу, а тем более на людях. Но от этой безысходности я на грани, чтобы не разреветься.

– Дима, я ни с кем не могу поделиться, я не выдерживаю больше, у меня голова просто раскалывается от этого всего, – смотрю на него, как нищая у дороги, мечтающая о куске хлеба, – я вам буду очень благодарна.

– Перестаньте! Ничего не хочу слышать такого.

– Вы женаты?

– Я в разводе.

– А дети?

– В отличие от вас, моя бывшая жена не хотела детей. Она бы с удовольствием поменялась с вами местами, ходила бы по ресторанам и купала наряды.

– Я не хожу по ресторанам, как и не увлекаюсь скупкой нарядов. Рестораны интересны компанией, а наряды поводом. Простите, а чем она занимается?

– Понятия не имею. Последнее время была оценщиком интеллектуальной собственности. Защита прав.

– Она юрист?

– Ой, Надя, она такой же юрист, как я канатоходец. Но формально юрист, да. Может быть, она уже осваивает какую-нибудь другую модную профессию, за ней не угнаться. Я редко видел её дома, и мы решили, что нам этот общий дом вообще-то и не нужен. Мне кажется, ей нормально. Звонит иногда.

Захотелось спросить, с ней ли я видела его тогда в Большом или с другой, но не стала.

– Может быть, мне пить противозачаточные и потом сказать, что я не могу забеременеть? Я уже всё передумала.

– Чревато не меньшими проблемами, чем беременность, – вздыхает Дима.

– В каком смысле не меньшими?

– Если ничего не получится с донором, ваш муж может поставить на деторождении точку, и у вас не будет детей вообще. С разводом же всё зависит только от него, как я понял.

– Возможно, но он не просто так это затеял, ему нужны дети, хотя бы один ребёнок, наследник, как он выразился, – говорю и жду от Димы сама не знаю чего. Он же не волшебник.

– А вам не приходило в голову, что он найдёт такую, которая согласится на это, и тогда даст вам развод? Хотя, это пахнет полнейшим абсурдом. Проще взять ребёнка в детдоме. Если бы не знал вас, с трудом бы во всё поверил.

– Абсурд, от которого страшно, – рот от волнения становится совсем сухим, хочется пить, – И ещё, он говорил мне неоднократно, что не хочет приёмного ребёнка, а хочет его именно от меня. Чтобы я ходила беременной, и все видели мой настоящий живот, – я уже не стесняюсь, а говорю, как есть. Дима – доктор, в конце концов, ему не привыкать слушать от пациентов их проблемы. Любой хороший доктор всегда наполовину психолог.

– Может, ваш муж ещё и хочет, чтобы никто не сомневался в его фертильности? Люди с проблемами такого рода часто чувствуют какой-то психологический комплекс, как говорится.

– Дима! – смотрю на него и медленно, с огромным трудом произношу слова, – сделайте мне ребёнка. Я не хочу носить и рожать неизвестно от кого. Вы мне всегда нравились.

– Надя... – он смотрит на меня даже не с удивлением, а с полным потрясением каким-то, – успокойся, дорогая! – встаёт, подходит ко мне, я тоже встаю. Он прижимает меня к себе и... целует в губы.

ГЛАВА 8. Коврик

Спускаюсь к машине. Нахожусь в каком-то пылающем пространстве, не чувствую тело и вижу всё вокруг, как в тумане. Сажусь на заднее сиденье, достаю воду из холодильника, делаю несколько глотков.

– Надежда Евгеньевна, с вами всё в порядке? – спрашивает водитель Сергей. Стараюсь при нём держаться максимально отстранённо, чтобы не вытаскивал меня на разговоры. Знаю я их братию.

– Всё хорошо. Едем домой!

Включаю музыку и закрываю глаза. Что сейчас было? Со мной что-то случилось? Я наступаю на тропу войны за свою жизнь и за свой род. Впереди страшная, опасная и смертельная схватка. Плевать, как звучит, если это так и есть.

«Бойся своих желаний» – звучат в голове Димины слова, – «Я столько лет мечтал о тебе».

– Ты согласен?

– Да, тысячу раз да! – держит меня в объятьях и боится отпустить, как будто я что-то нереальное, которое исчезнет также быстро, как и появилось.

– Ты понимаешь, что это намного сложнее, чем кажется, – я сама боюсь и чуть ли не иду на попятную.

Представляю себе, что Герман может со мной сделать. А что, собственно, он может со мной сделать? Лишить меня его денег? Образа жизни в золотой клетке? Опозорить? Перед кем? Своими дружками и их жёнами? Мне ли не знать, как они живут, и что творится в их домах? Сплетни и разговоры просачиваются сквозь все мыслимые и немыслимые преграды.

Два месяца назад Виктория еле отмылась от скандала с горничной, которая написала в соцсетях о её тайных сексуальных связях то ли с садовником, то ли с учителем йоги. Так они моментально обвинили девушку в краже какого-то браслета, та извинялась, писала опровержения. Крутили-вертели, но осадочек остался. Мне это неинтересно, но некоторым это доставляет удовольствие – копаться в грязном белье и мельком вспоминать в светской беседе. Виктория теперь не носит браслеты вообще, чтобы не напоминать и не давать повод даже взглянуть на её запястье.

Я не удивлюсь, что про Антона уже кто-то знает, особенно после встречи у клумбы с васильками. Или это не связано с Антоном, и Глуховского Герман привёл в дом совсем по другому поводу? Просто совпало. Что с чем?

Если мы действительно это сделаем с Димой, и потом родится ребёнок, то Дима же не оставит его где-то в чужом доме. Вот чего я боюсь. Нет, не боюсь, а считаю это слабым звеном, к которому надо быть готовой. И надо сделать так, чтобы Герман не догадался, кто отец. Даже если Герман сделает тест и поймёт, что Антон не отец. Жуть.

Мне нужен новый телефон, чтобы разговаривать с Димой по новому телефону. Как бы его незаметно купить? Заехать в ТЦ? Но Герман не разрешает мне ходить одной по разным ТЦ, где полно неизвестно какого народу. А Сергей всё ему расскажет. Работа у него такая. Попрошу папу. Нет, он начнёт подозревать и выспрашивать. Они последнее время как-то очень стали интересоваться, как я живу, и всё ли у меня нормально. Это мама со своей интуицией. Её не проведёшь.

Возбуждение от встречи не проходит.

Успокойся! Ничего не было. Ты просто съездила к доктору. Не знаю, сделать это до поездки на море или после? И потом, кто сказал, что с Димой всё получится с первого раза? Уже чувствую себя преступницей.

Мне кто-то рассказывал, что в Дубае жёны устраивают свиданья с любовниками в примерочных бельевых магазинов в торговых центрах и платят за это бешеные деньги. Причём,

рискуют обе стороны. А риски там похлеще моих, если учитывать не только моральный аспект. Охрану туда, в примерочные, естественно, не пускают. Откуда в мозгу только всплывают эти глупости. И ведь никакого запроса не посылала. Кстати, теперь многие состоятельные арабские мужья приставляют женскую охрану. Не хватало ещё рядом со мной какой-нибудь каратистки.

Пью воду и успокаиваюсь наконец. Осталось минут двадцать до дома. Хорошо, что Герман приедет поздно сегодня. Я окончательно приду в себя. С телефоном только не решила пока, как его купить незаметно.

– Сергей, остановитесь у магазина, я кое-что хочу посмотреть.

– Здесь нет парковки, Надежда Евгеньевна.

– Подожди в машине, я мигом, не волнуйтесь, – конечно, нет парковки, зачем она мне, сиди и жди.

Спешу.

Это дорогуший магазин, где продают ковры ручной работы со всего мира. Я знала там одного Вадика, он работал раньше администратором в салоне, куда я заходила иногда, два года назад. Хоть бы ещё работал. Вижу.

– Вадик, привет, дорогой?

– Здравствуй, Надежда! Рад вас видеть. Чем могу...

– Быстро! – перебиваю я его дифирамбы, – У тебя есть мобильный?

– Целых два. А что? – чувствует, что ситуация непростая, и я не пришла к нему просто так.

– Продай мне один, сейчас же, оперативно, чтобы никто не знал – двести тысяч тебя устроит? – говорю и листаю какой-то журнал с коврами.

– Для вас на всё готов, Надежда, вы необыкновенная женщина.

Вадика долго уговаривать не надо. Телефон не стоит и тридцати.

– Это запасной, там базы нет, и все телефоны продублированы, – достаёт из ящика стола, у которого стоит, какую-то тряпочку и заботливо протирает экран. Простите, что на вид не очень.

Пересылаю ему деньги по номеру телефона.

– Быстро заверни мне вот этот коврик круглый розовый, – показываю ему глазами на какой-то образец. Держи карточку.

– Это из Ирана коврик, чистый шёлк.

– Отлично, давай ещё быстрее!

Выхожу к Сергею с покупкой.

Иду и вдалеке на стоянке вижу машину Германа. Это точно она. Наверное, он в ресторане, но как пройти мимо, чтобы его водитель меня не заметил? На мне светлое платье, боюсь заметит и позвонит, что я иду в ресторан. А я этого не хочу. Или не ходить?

Отдаю коврик Сергею.

– Я сейчас, подождите ещё пять минут, забегу в одно место, – я не слушаю, что он мне там бубнит, быстро перехожу дорогу и пересекаю площадку перед рестораном. Захожу, с холодным видом почти пролетаю мимо хостес.

– Девушка, я только посмотреть, ищу одного человека, – ставлю указательный палец перпендикулярно губам, чтобы она не возникала, всматриваюсь в зал, спрятавшись за портьеру. Ничего себе! Герман сидит за столом, а напротив... Магда, любительница страусов. Смотрю минуту, чтобы понять, они вдвоём или Виталик крутится где-то поблизости.

– Девушка, – подзываю я хостес и протягиваю ей пятитысячную купюру, – вон за тем столиком сидит мужчина и женщина, они вдвоём? Или столик на троих? С ними ещё кто-нибудь был?

Она берёт деньги с удовольствием и с таким же удовольствием и готовностью отвечает, – вдвоём. Столик заказан на имя Магды.

Ухожу и быстрым шагом иду до своей машины. Сердце колотится.

ГЛАВА 9. Выдержка

Плаваю в бассейне. Даже под водой. Я не любительница плавать под водой, так как в детстве болели уши, и я всегда их оберегаю, но сегодня неважно. Надо отвлечься полностью и выстроить стратегию.

А кто-то живёт спокойной жизнью с любимым мужем, растит детей и думает о клумбах, а не о том, как избежать секса с незнакомым мужиком по наводке мужа.

Говорят, к тридцати пяти проходит желание рожать, то есть оно резко притупляется, развивается ленность и страсть к удовольствиям. Открывается третий глаз. А на что она смотрит этим третьим глазом? На себя, конечно. Ничего не берётся из ниоткуда, и если она дура, то смотреть там всё равно не на что.

А если она актриса с миллионным гонораром, то ещё глупее. Век её короткий, и даже муж режиссёр-продюсер не спасёт, так как он как пить дать заведёт себе на стороне второе гнездо, и примадонне придётся играть ещё и дома. Любовь придётся делить и сильно нервничать, а значит, стареть и болеть. Начнутся коты с лошадьми, пластические хирурги, любовники-альфонсы и творческие затыки. Нельзя только получать. Отдаваться на работе – это тоже получать.

Как будто я себя уговариваю. Понятно, что Герман всегда заводит разговор о репродуктивной свободе, познании себя, высокой планке в бизнесе и всякой глобалистской брехне про климат и перенаселение. Понятно, потому что он бесплоден, всё просто. Ему не из чего выбирать. И тянет меня в это болото уже третий год. На людях я его поддерживаю, как обычно, но я больше этого не хочу.

Решено.

Опять ныряю. На повестке дня у нас ещё и Магда. Противно ужасно. Она его активно окучивает. Может, уже и спали. Оба в браке. Подумаешь! Посмотрю, в каком настроении придет сегодня вечером, если придет. Лень скандалить, мне уже не до него. Может, как-то использовать это его увлечение? Теоретически подходит, а на практике всё будет сложнее. Могу и не справиться.

Ревную. Что ты будешь делать! Ответочка за Диму, не иначе. Или это обида? Я ни разу не замечала, чтобы Герман мне изменял, если не считать его отъезды с ночёвкой после скандалов.

Вылезаю, одеваю халат и усаживаюсь в шезлонг. Позже ещё поплаваю.

Звонок. Зоя Фёдоровна. Свекровь. Блин!

– Надежда? Ты дома? – низкий прокуренный голос и всегда командный тон.

– Да, я дома, Зоя Фёдоровна, – отвечаю вежливо, но не заискивающе. Мне от неё ничего не надо.

– Буду через пятнадцать минут.

– Жду.

Я не спрашиваю, какая шлея под хвост какой лошади попала, и что её сподвигло срочно явиться, я мало что у неё спрашиваю в принципе. Подружиться с ней также трудно, как пить кипяток большими глотками. Снискать благосклонность тоже. Я недостаточно хороша, каким местом, не уточняется. Но явных ссор у меня с ней не было, а на людях мы всегда очень любезны, милы и внимательны. Отзывается она обо мне в превосходной степени, дома же строга и неразговорчива. Противоречива, старая ворона. Я научилась воспринимать её, как данность, без эмоций. Где-то к концу первого года совместной жизни. Папа помог настроиться. Я тогда ещё делилась с родителями проблемами.

Бывший партийный работник международного отдела, которая вовремя поняла, как может использовать свои связи для торговли импортной бытовой техникой в начале девяно-

стых. Герман многим ей обязан. Точной истории его подъёма я так и не знаю, но начиналось всё с мамочки, её прыти и кредитов.

Отец историк либерального толка. Я с ним в дискуссии не вступаю, а он и не рвётся. Где я, какой-то там дизайнер ресторанов и диванных салонов, как он выражается, и он, профессор-знайка, который без зазрения совести рассказывает мне про татаро-монгольское иго. Условное, конечно. Герман меня уже попросил не трогать исторические темы с его отцом. То есть не трогать то, в чём я не разбираюсь. Я назло им всем смотрю с кайфом альтернативные каналы и обсуждаю их с Викторией. Хотя в чём-то мы нашли с ней общий язык. Но только, когда рядом нет мужиков. Особенно нам нравится про древних богов, великанов и искусственный антропогенез. Умора.

– Вы кофе будете или чай? – спрашиваю мамашу после приветственных притворных лобызаний.

– Ты что такая непричёсанная, как кикимора? – задаёт она правильный нейтральный вопрос.

– Не ждала никого.

– При чём тут ждала- не ждала?

– В бассейне была, когда вы позвонили. Сейчас волосы высохнут, и я буду красивее, – иронизирую и злю.

– Попроси чаю с молоком и печенье, если Борис испёк что сам.

– Tout de suite (немедленно – пер. с франц.)

Пишу Борису и делаю пометочку, что для Зои Фёдоровны.

Он быстро пишет ответ.

– Есть печенье из спельты с грецкими орехами и лимоном, – читаю я его ответ, – подойдёт?

– Да, – строго отвечает свекровь таким тоном, как будто это был вопрос о выборе жизненного пути.

Прошу Бориса подать чай в новом японском сервизе по всем, блин, правилам этикета. Пусть наслаждается.

– У меня есть разговор, Надежда. Непростой, но тянуть не стану. По просьбе Геши.

Сына она ласково называет Геша. Имеет право. Я его так не называю из принципа.

– Я знаю про Антона.

Смотрю не мигая с серьёзным лицом.

– Кто ещё знает?

– Дела сугубо семейные, и я мать, не забывай, – она даже волнуется немного, так как достала свой золотой портсигар с рубиновым замком, – Антон не просто посторонний симпатичный мужчина-донор.

Слово «донор» явно в ходу. Пока молчу.

– Он сын моей двоюродной сестры по матери. Они все живут в Штатах, как и Антон. Его не будет в стране. Он приехал по просьбе Ге... Германа. Это человек нашей крови.

В дверном проёме появляется горничная.

– Чай подан, Надежда Евгеньевна.

– Пойдёмте пить чай, Зоя Фёдоровна, – держусь молодцом.

Выдержка у меня от папы.

ГЛАВА 10. Печенье

Пью чай в беседке. Печенье свекрови явно по душе, она берёт ещё одно и наслаждается вкусом. Не спешит. Тоже себя ограничивает, а как же. Покончив с печеньем, промокает губы салфеткой и закуривает сигарету.

– Расскажите мне об Антоне, – спрашиваю и смотрю ей в глаза.

– Зачем ещё? Я всё сказала, – ей не нравится вопрос.

– Я похожа на стул или этажерку? Меня не только никто не спросил, принимаю ли я такой вариант, чтобы трахаться с незнакомым мужиком, но даже запрещено знать, кто он, кроме пары слов из ваших уст.

Зоя Фёдоровна шурится не по-доброму.

– За кого вы меня принимаете? – продолжаю я свой тихий бунт.

– Милочка, ты настолько обленилась и обнаглела в чужом богатстве, что даже не хочешь рожать? – выпучивает свои накрашенные голубыми тенями глаза, – Я всегда говорила, что добром этот брак не кончится. Ты путаешь свои жизни, до Германа и после. За три года ты так и не поняла, куда попала? Какой подарок судьбы ты получила? – делает паузу и медленно отпивает из чашки, – Ты на вершине пирамиды, дурочка! Очнись, прежде чем открывать свой рот! Бедняжка, – она вздыхает, – Можно обойтись и без тебя.

Хочется налить этот душистый отборный чай за бешеные деньги ей за шиворот, чтобы она визжала по другому поводу. Это у меня от Германа, он любит колошматить посуду и поливать неугодного собеседника содержимым своего стакана. Дикость. Я вдоволь на неё насмотрелась.

Медленно достаю телефон и звоню мужу.

– Твоя мать сидит передо мной и говорит, что я обнаглела в чужом богатстве, а ребёнка можно сделать без меня. Ты согласен?

Зоя Фёдоровна вся искрится от негодования. Но не драться же ей со мной и вырывать из рук телефон.

– Нет. Это её мнение. Я занят сейчас, – Герман отвечает холодно и отстранно.

– Слушаешь лекцию про разведение страусов? – я и правда себя не узнаю. Это было лишним и не вовремя. Вырвалось. Что за этим последует, боюсь предположить.

Герман отключается. Он любит так делать, когда не знает, что сказать. Не скандалить же перед Магдой. А вдруг правда у них деловая встреча?

– Без меня не получится, – отвечаю я на её вопросительный взгляд, – сожалею.

Свекровь встаёт и идёт на выход. Мы могли с ней испортить отношения задолго до сегодняшнего разговора. Поводов было достаточно. Я раньше в любом случае помалкивала и не хотела никого злить, старалась быть более внимательной к её словам, искала в себе причины её недовольства. Я всегда помнила, как важна бывает для человека мать, её мнение, отношение, имея в виду Германа, но игра в одни ворота неминуемо когда-нибудь заканчивается.

Просто я была не готова вот так взять телефон и при ней позвонить Герману. А сейчас это единственный спасительный вариант – чтобы потом не сваливала всё на мои фантазии.

Я не бегу за ней. Она сама выходит из дома и садится в машину. Скоро она тут не появится. Извиняться я ни за что не буду. Не надо хамить. Хватит.

Зачем она, собственно, приезжала? Сообщить мне, что контролирует нашу семью? Что все решения проходят через её одобрение? Представить мне Антона? Скорее, сказать, что он одной с ней крови. А вот отцу Германа эта затея может не зайти. Он не получает внука по крови в таком случае, так как Антон сын двоюродной сестры его жены. Если он, конечно, в курсе планов своей изобретательной супруги. Не знаю только, поможет это мне или нет. Он может и не знать, что Герман бесплоден, с него станет.

Наливаю себе тёплого чаю и съедаю целое печенье. Было бы на столе масло, ещё бы и маслом намазала.

Иду в сад. Мысли об этой внезапно появившейся австралийской страусихе не дают покоя. Довольно странно обедать с чужой женой наедине у всех на виду. Непохоже на Германа. Ему совершенно не нужны пересуды. Что-то тут не то. Может быть, она его вызвала на срочный разговор? Это не случайная встреча. Она заказывала столик в ресторане заранее. Герман сорвался вопреки своим принципам? Должно быть что-то важное. Надо было подробнее расспросить хостес, но я не справилась с эмоциями. Навалилось слишком много в один день.

Мысли о Диме не только будоражат, но и предают смелости и решительности. Как будто я не одна.

После завтра приём у Никитиных, а платье ещё не привезли. Надо позвонить менеджеру, не забыть.

Никитины отмечают десятилетие своего брака. Зачем отмечать такой личный день с огромным количеством народа, для меня всегда остаётся загадкой. Скорее всего, это повод лишний раз показать новый дом, который ему построил какой-то Клаудио Верелли. Никитин всегда отличался своей любовью к Италии и особенно мозаике. Но это всё второстепенно и никого, по сути, не интересует. Начинается летний сезон, все разъезжаются, а встретиться с нужными людьми перед каникулами всегда полезно. Будет много правильного народу, как в прошлый раз, и все как на подбор.

Виктор и Жанна Никитины – это всегда высокие стандарты приёма, интересные люди и обязательно концерт, то есть какая-нибудь модная звезда, наша или заграничная, без разницы. Герман не может пропустить такое событие, значит, скандалы закатывать в ближайшие два дня не будет. Проверено. Поговорить про Антона – самое оно.

– Дима? – звоню, чтобы рассказать про новый телефон. И вообще я хочу всё ему рассказать, поделиться, спросить, развеять сомнения. Как же мне не хватает человека, который меня выслушает, и которого я не буду бояться.

– Если мы начинаем, то я сразу попрошу у тебя помощи, – говорю я.

– Скажи.

– Сделай на мой старый телефон звонок с неизвестного номера, может, медсестру какую попросишь или санитарку. Одним словом, если Герман перезвонит, то там оказался бы человек, который понятия не имеет, кто ему звонит. А лучше из другого города.

– Сделаю. Приезжай завтра к трём.

– Придётся отложить встречу на следующую неделю, Дим. Завтра весь день занята обязанностями жены миллиардера. Просто не смогу вырваться.

– Хорошо. Перезвони в понедельник. Я поеду к друзьям на Истру на выходные. Стараюсь не думать о нас. Так интереснее.

– Пока!

Вот она двойная жизнь. Страшно. Но у меня есть благородная цель, и я начинаю путь.

ГЛАВА 11. Диспетчерская

Герман приезжает ровно в десять, как и обещал. Я в нижней гостиной смотрю телек, что делаю крайне редко, но сегодня захотелось и большого экрана и хорошего звука. Показывают музыкальный конкурс.

– Добрый вечер, Надин! – целует меня Герман в щёку, – ну, рассказывай, что с мамАн?
Садится на другой конец дивана.

– Она тебе звонила после того, как уехала от меня, не сомневаюсь. Почему она разговаривает со мной в командном тоне? Давай начнём с этого, – стараюсь я ввести его в курс дела.

– Так... Детали потом. В чем суть конфликта?

– Или ты слушаешь всё от начала до конца, или я не буду ничего рассказывать и пойду спать, – я не могу оставить в его голове версию Зои Фёдоровны.

Почему-то мне кажется, что я наконец становлюсь главным звеном в этой истории с ребёнком. Кто будет носить и рожать? Я. А то, что мамаше хочется представить мою беременность и материнство, как дополнительный побочный продукт или как инкубатор в страусиной ферме, то это её проблемы. Она не может никак смириться с тем, что от меня что-то зависит, а главное, что Герман настаивает, чтобы это была я. «Можно обойтись и без тебя» не получается.

– Главный конфликт всё тот же: мне предлагают совокупиться с незнакомым мужчиной, не спрося моего согласия.

– Так мама специально приехала для того, чтобы рассказать тебе об Антоне. Я сам его не знал до того, как он приехал сейчас, – Герман строит недопонимание и удивление. Ага.

– Ты считаешь, что твоя мать имеет право решать за нас, как нам жить и от кого рожать детей? И почему вдруг самодостаточный человек с другого континента, соглашается на такой поступок? Летит стремглав на зов какой-то там тёти. В один прекрасный день я могу предъявить ему права на отцовство. Он этого не боится? Ему что-то гарантировано? Вы мне многое недоговариваете и водите за нос. И я не соглашусь на этот кошмар, пока не буду знать всего. Кто такой Антон, откуда он взялся, какие у меня гарантии и вообще, здоров ли он? И это ещё не считая того факта, что он мне не нравится. Меня воротит от его улыбки и некрасивых рук.

Герман смотрит на меня и не узнаёт.

– Надин, это мой выбор. Я тебе уже сказал.

– А почему надо рожать от родственника со стороны матери, а не со стороны твоего отца, например? – я уже не знаю, как остановить его напор об этом идиотском выборе.

– Это не обсуждается.

Встаю с дивана и понимаю, что больше мне сказать пока нечего. Всё удочки заброшены.

– Да, вот ещё что. Совсем забыла. Мне кто-то позвонил, какой-то неизвестный голос, и сказал, что ты сидишь в ресторане «Парус» с Магдой. Вдвоём.

Он смотрит на меня с ещё большим удивлением, чем пять минут назад, когда я ему вещала про Антона, будь он неладен.

– Что за белиберда? – спрашивает он возмущённым тоном.

– Ни разу не белиберда. Я как раз проезжала мимо, остановилась и пошла посмотреть. Я видела тебя там за одним столиком с Магдой. Объяснишься? – стараюсь говорить спокойно, как могу. Внутри пылает ужас. Он терпеть не может, когда я его ловлю на вранье.

– Как ты могла? – Герман и правда удивлён всему сразу.

– Что?

– Ты не могла к нам подойти, поздороваться. Что за манеры, Надежда!

– У кого?

– Прекрати сейчас же! Я не обязан тебе отчитываться. Ты же знаешь, что она в бизнесе. Ну-ка, покажи, кто тебе звонил?

Даю ему номер, который переслал Дима.

Герман тут же звонит и ставит на громкую связь.

– Алло! – отвечает женщина, – Диспетчерская.

– Вы кто? – спрашивает Герман с своей привычной манере хозяина мира.

– Конь в пальто, – женщина на той стороне явно не промах. Уж не знаю, чей телефон дал Дима, какой диспетчерской и в каком городе. Мне даже становится немного смешно.

Герман отключается.

– Надежда, это розыгрыш?

– Понятия не имею. Я ей не перезванивала. Только ты мне не ответил, что ты делал с Магдой в ресторане. Слово «бизнес» ничего не значит. Ты же не хочешь, чтобы я хлопала глазами послезавтра у Никитиных, когда...

– Я ответил.

В подобной ситуации я обычно поджимаю хвост и начинаю заниматься домашними делами или вообще ухожу в спальню. У нас общая спальня, но это всегда больше моё пространство, чем его. Он там просто спит, а утром уходит куда-нибудь в другое место. Если идёт в бассейн, то там же и принимает душ, и бреется, и делает всё, что ему захочется для того, чтобы привести себя в порядок. Полотенца, халаты, туалетные принадлежности разложены во всех туалетных комнатах в доме. Одевается он после завтрака.

Сейчас я не ухожу, а продолжаю стоять. Потому что он не ответил, а просто отмахнулся.

Он смотрит на меня и не понимает, что происходит. Привычный алгоритм даёт сбой.

– Магда – больная на голову, не ревнуй. Она свихнувшаяся в своей Австралии саентолог. Думаю, что они приехали сюда за этим.

– Пыталась тебя завербовать?

– Да. Я ничего не имею против свободы вероисповедания и прочего, но это не моё. Им всем всегда нужны состоятельные последователи. Том Круз, Джон Траволта. Прошлый век. Всё просто. Я согласился на встречу, так как думал, что это действительно бизнес встреча. Я не хотел тебя в это посвящать, и она умоляла оставить наш с ней разговор в тайне. Ты довольна ответом?

– Вы расстались друзьями?

– Какими ещё друзьями, Надин? Мы расстались в рамках приличия, не более, а я потерял время и почувствовал себя пойманым дураком. Она сожалеет, что открылась, но тем не менее, лучше об этом никому не говорить.

– Допустим, – я продолжаю стоять.

– Всё. Хватит на сегодня вопросов и ответов, я приехал домой отдыхать и провести с женой остаток дня.

– Отдыхай. Я подожду. Завтра тоже день.

– Надя!

Сегодня моя первая победа. Маленький шагок в сторону моей цели. Я не спряталась и не убежала. Дальше я буду ещё смелее.

ГЛАВА 12. Как Оля?

Герман плюхается на кровать, даже как следует не вытеревшись после душа.

– Ты же мокрый, Гер! – откручиваюсь я на другой край.

– Не называй меня Гер, потому что слышится Хер. Сто раз говорил.

– Хер – это бог. Я оказываю тебе наивысшее почитание. Или по крайней мере царь. Так говорили в древности. Папы твоего тут нет, так что могу выражаться, как хочу.

Протягивает руку и выключает свет. Окна зашторены, становится совсем темно.

– Устал сегодня. «Парус» говно ресторан стал. То ли повара поменяли, то ли ему мало платят.

– Не то, что наш Борик. А что вы вкушали со страусиной королевой?

– Надежда, ты меня достала с этой дурой. Забыли, – рывкает Герман, – если она к тебе подкатит и хоть раз откроет рот у Никитиных о своих заморочках, просто дай мне знать.

Делаю вдох.

– Ты представляешь, что я вот тут на этой кровати обнимаюсь с каким-то Антоном? Как это возможно только? Тебе меня не жалко? – кто о чём, а я своём предстоящем кошмаре.

– Надин, ты хочешь, чтобы я ушёл сейчас в гостевую?

Я окончательно поворачиваюсь к нему спиной и закрываю рот. Ночные скандалы самые противные, ночью вообще всё обостряется до предела. Боль, например. И физическая, и душевная.

Лежу с открытыми глазами. Зачем мне эти переживания, унижения? Сколько можно это терпеть? Нашли себе суррогатную мать для продолжения рода. И всё-таки я не верю в эту историю с Антоном. То есть Антон-то есть, а всё, что вокруг него какое-то враньё. Плохо продуманные выдумки старой вороны, моей свекрови. И Герман в них втянут. Его нельзя сдвинуть на миллиметр, если он чего-то не хочет, я его знаю, и мать ему не помеха.

Кто может знать этого Антона? Фехтовальщики? Муж Виктории? Но он не скажет ни слова, дружба с Германом ему дороже правды. Тоже самое с Никитиным. Завтра он мне не ответит ни на один вопрос, только будет улыбаться и хихикать – зачем тебе, Наденька? Вопросом на вопрос – они все так разговаривают.

Утром ничего не спрашиваю, тему не поднимаю. Мне надо, чтобы он поскорее уехал и не отвлекался на разговоры. Если что-то понадобится – напишет.

Ольга, горничная, стучит ко мне в спальню.

– Надежда Евгеньевна, платье привезли, можно зайти, – стоит с белым портпледом на перевес.

– Да, заходите! Разверните, пожалуйста, я примерю.

Красивое летнее шёлковое платье от известного брэнда. И ещё лёгкий короткий пиджачок сверху без подкладки. Купила его на всякий случай, если задержимся допоздна. Платье цвета фуксии. Вижу, что всё идеально. В приглашении было указано – дамы в цвете фуксия, что-то про лето, краски и прочую ерунду.

Смотрю на Ольгу. Она задержалась у нас в горничных дольше всех. И ляпы делала, и кофту одну мне испортила горячим утюгом, спалила кружево, а Герман её не трогает. Персонал набирает исключительно он, чтобы все доносили только ему – всё, что происходит в доме. Я привыкла, что прислуга всегда на его стороне, поэтому с ними не разговариваю. Только строго по делу.

И тут я вспоминаю, как-то свекровь, пару месяцев назад, спросила Германа – как Оля? С чего это она спрашивала про горничную? Я тогда была чем-то занята, не придавала этому значения, а вот вспомнилось. Подсознательно мозг даёт подсказку. Получается, Герман взял Ольгу по наводке мамы? И тут она лезет. Блин! Как же я это недосмотрела!

– Розовое платье вы отстирали? – спрашиваю её про платье, которое мне Герман облил из своего стакана в порыве гнева. Придурок. Оно мне нравилось, к тому же было совсем новым. А чистить я его не хотела, потому что этот шёлк плохо чистится, его надо руками стирать в специальном шампуне.

– Пока нет, простите, там очень серьёзное пятно, вчера только привезли немецкий пятновыводитель, я ещё не пробовала.

– Бросайте все дела и идите в постирочную. Оно мне нужно к вечеру. Спасибо.

Включаю телефон и отворачиваюсь.

Хочу пойти в кабинет мужа и посмотреть папку с домашним персоналом. В основном всё отсканировано, но у него есть ещё и папка с бумажными фотокопиями паспортов. У Германа странная привычка сохранять некоторые документы в бумаге. Я не хочу, чтобы Ольга видела, что я копаюсь в его кабинете.

Через двадцать минут иду в кабинет. Папка на месте. Не хватало ещё перчатки нацепить, чтобы отпечатки не сняли. Но я спокойна, вся эта возня сейчас на меня не действует. То есть действует, но не так сильно. Вот она – фотокопия её паспорта и CV. Быстро фотографирую своим новым телефоном оба листа, кладу всё на место и иду в спальню.

Ольга Сергеевна Балашова, место рождения – Москва. Двадцать восемь лет, не замужем, детей нет. Образование высшее – МГПУ. Так она у нас педагог? То-то я смотрю, на горничную не тянет совсем. Последнее место работы – ЦУМ, продавец-консультант. Вон оно что. Педагогика не по нраву, что ли? Пошла в торговлю.

Наверное, наша Зоя Фёдоровна регулярно покупала у неё шмотки, и ей понравились манеры и сервис продавщицы. В один прекрасный день та ей пожаловалась, что мало платят, с утра до вечера на ногах, тяжёлые коробки в подсобке, интриги или ещё какая-нибудь фигня, и Зоя Фёдоровна решила, что девка грамотная, работающая, не взять ли её к Геше в дом, да и за невесткой присмотрит.

Может быть, всё было совсем по-другому, но привела ее Зоя.

Ольга не очень подходит под привычные стандарты женской красоты, приземистая, ширококостная, тем не менее, симпатичная шатенка со светло карими глазами. Умеет быть незаметной и слышит все просьбы с первого раза, то есть не забывает, что попросили сделать и к какому числу. Старается. Не знаю, сколько Герман ей платит, он мне этого не говорит.

Звоню.

– Алло, Дима, как ты?

– Жду нашу встречу.

– Я тоже. Долго не могу говорить. Перешлю тебе сейчас паспорт моей горничной, можешь узнать что-нибудь о ней поподробнее.

– Без проблем, в понедельник. Кое-что придумал, но в офф-лайне.

– Хорошо. Пока!

Дима мне сказал тогда при встрече, что у него в клинике отличный отдел по безопасности и отбору персонала, а жену шефа этого отдела он удачно прооперировал.

ГЛАВА 13. Альбом

После звонка Диме на меня находит волна смелости. Я чувствую, что не одна. Конечно, у меня ещё есть колоссальная поддержка от родителей, но она из области духовного, а вот на практике, кроме Димы мне помочь некому.

Смелость смелостью, но я чувствую одну вещь, которая меня очень беспокоит. Я воспринимаю Диму, как спасителя, а он как меня воспринимает? Как женщину, с которой он ждёт свидание. А я? А я могу себя загнать в такую ситуацию, что придётся выбирать, если действительно мы с ним это сделаем. И вообще, всё может развернуться так, что все расчёты полетят к чертям. Скорее всего.

Нет, как бы ни было страшно, я не буду отступать. Маховик запущен. Я справлюсь. Мне просто нужна информация, и я знаю болевые точки Германа. Он в социуме, и их миллиардерский круг – это тоже социум, ещё более жестокий и безжалостный, чем среди обычных людей, и ставки там в разы выше.

Я не инкубатор и не безмолвная бесправная кукла, и я не хочу подвергать ни себя, ни будущего ребёнка вечному шантажу, страху оступиться и лжи. Это только со стороны кажется, что всё просто. Иди, как все, подай на развод и живи себе, если тебе так плохо с мужем. Ну, останешься без штанов, зато свободна. Свобода – это что? Приманка для дураков. Это как смычка между теорией и практикой. Без друг друга нежизнеспособны.

У нас с Германом нет брачного контракта, потому что он абсолютно уверен в своей силе, и это, к сожалению, так. Я пришла в сложившийся мир, к которому не имела никакого отношения. Он всего достиг и стал таким до меня, я не делила с ним однушку в спальном районе, не варила борщи на последние деньги, и не жила на кредиты, дрожа за рискованный бизнес. Я – Золушка после первой части сказки, вторую часть мало, кто знает. Потому что мало кто представляет, насколько труднее удержать, чем получить. А я не знала ровным счётом ничего. Сейчас кое-что уже знаю. И первое, это то, что принцы бывают разные. Как и Золушки.

Плевать мне на Олю, опять иду в кабинет Германа. Зачем? Точно пока не понимаю. Меня влечёт туда любопытство, скорее, желание что-то найти, чего раньше я не замечала или не придавала значения. Какая-нибудь деталь его жизни до меня. Он не любит вспоминать своё прошлое. А вот почему?

Но сначала спускаюсь на кухню и сама делаю себе кофе. Оля тут как тут.

– Надежда Евгеньевна, платье отстиралось, часа через два будет готово.

Едва киваю в ответ. А что она хотела? Этого достаточно. И всё-таки надо узнать, сколько он ей платит, больно она из кожи вон лезет. Чует что-то. В своё оправдание могу только сказать, что никогда не занимаю прислугу ненужной работой или капризами, просто отключаю эмоции с ними и панибратство. Ни к чему хорошему это не приводит. Пробовала.

Это мама дружит со своей домработницей, которую я оплачиваю, пьют чай и болтают о сериалах. Там можно и безопасно. Смешно сказать, за интерьер гостевого домика у Санниковых я получила гонорар, который папа может заработать за год. Но если я не буду женой Германа, мне никто не доверит такой заказ и даже не подпустит к забору дома.

Делаю несколько глотков кофе, оставляю чашку на столе и иду наверх в кабинет.

Стою перед шкапами. Книги меня не интересуют, хотя вытаскиваю одну про развал СССР. У Германа интересная коллекция исторической литературы. Почти всё можно найти в сети, но иногда хочется почитать в бумаге и полистать. Редко, правда.

Открываю нижний шкаф, там лежат семейные альбомы. Их немного, но тоже интереснее смотреть, держа в руках красивый чуть ли не фолиант в кожаном переплёте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.